К вопросу о критериях относимости доказательств при определении вреда, причиненного почвам

Патиев Илья Михайлович
Генеральный директор ООО «Руссправо»; аспирант кафедры экологического и природоресурсного права, Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), s2022102@edu.msal.ru

В статье исследуется распределение бремени доказывания при возмещении вреда почвам. Обосновывается ограничение предмета доказывания нарушением состояния почвенного профиля, а не «деградацией экосистемы».
Анализируется двойственность судебной практики после Постановления КС РФ № 27-П: сохраняя традиционный подход (достаточно факта загрязнения), ряд судов начинает требовать от истца доказательства массовой гибели биоценоза.
Авторы настаивают на переложении бремени доказывания на ответчика: сам факт загрязнения почвенного профиля является достаточным основанием для вывода о вреде, а опровержение этого (отсутствие вреда или его нейтрализация естественными процессами) должно доказываться причинителем вреда.
Ключевые слова: почва, экологический деликт, бремя доказывания, стандарт доказывания, относимость доказательств, презумпция экологической опасности, возмещение вреда.

1. Разграничение объектов охраны: проблема соотношения почвы и экологической системы

При разрешении споров о загрязнении земель нефтепродуктами или отходами суды пресекают попытки ответчика подменить предмет спора. Типичной тактикой защиты становится предоставление заключений об отсутствии падежа животных или сохранении видового разнообразия растений на участке.

С формально-правовой точки зрения такой подход несостоятелен. В соответствии со ст. 1 ФЗ № 7-ФЗ [1], почва квалифицируется как самостоятельный компонент природной среды, тогда как экологическая система определяется законом через взаимодействие компонентов. Арбитражный суд Дальневосточного округа в Постановлении от 17 июля 2025 г. № Ф03-2070/2025 по делу № А73-8310/2024[3] поддержал данную правовую позицию. Как следует из мотивировочной части акта (стр. 6), предметом доказывания является вред конкретному компоненту природы. Вопрос же о состоянии сопряженных биологических ресурсов исключен судом из предмета исследования по данному иску.

Аналогичный подход применяется судами при защите водных объектов. Как разъяснил суд в деле № А73-8310/2024, предоставление истцом доказательств, позволяющих установить наличие и величину показателей, включенных в формулу расчета (в данном случае — Методика № 238), исчерпывает его процессуальную обязанность.

Одновременно с этим, в отношении объектов охраны окружающей среды не применяется такая правовая категория как «реальный ущерб» в классическом понимании гражданского права. Позиция ответчика о необходимости доказывания истцом фактической гибели биоценоза или снижения урожайности культур не основана на нормах эколого-правовой ответственности. Правовая природа возмещения вреда компонентам природы предполагает фиксацию нарушения нормативов состояния самого ресурса, а не оценку экономических потерь пользователя земли.

Доктринально этот вопрос глубоко проработан. Как отмечают Г. В. Выпханова и Н. Г. Жаворонкова [7], законодательство должно обеспечивать создание комплексной системы, исключающей смешение частных нарушений с публичным интересом. И. А. Игнатьева [8] указывает, что концепция экологических потерь прочно вошла в практику именно потому, что денежная компенсация выполняет здесь превентивную функцию, а классик отечественной эколого-правовой науки В. В.Петров [[9] выделял невосполнимые потери, увязывая их учёт с приоритетом экологических интересов над экономическими.

2. Влияние Постановления КС РФ № 27-П на стандарт доказывания вреда

Определённую сложность в распределении бремени доказывания внесло Постановление Конституционного Суда РФ № 27-П от 30 мая 2023 года [2]. Указав на недопустимость формального применения методик без учёта реальности ущерба, высшая инстанция фактически дала повод ответчикам требовать проведения дополнительных экспертиз биоценозов.

В настоящее время в судебной практике отсутствует единый подход к разрешению этого вопроса. С одной стороны, сохраняется традиционный взгляд, согласно которому сам факт нарушения правил обращения с опасными веществами свидетельствует о вреде почве как минерально-органическому телу. С другой стороны, ряд судов первой инстанции, ссылаясь на позицию КС РФ, начинает трактовать отсутствие данных о массовой гибели флоры и фауны как свидетельство отсутствия «реального экологического вреда».

Вместе с тем следует четко разграничить позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении № 27-П. Данный акт не возлагал на истца обязанность расширять доказательственную базу. Позиция КС РФ сводится к тому, что при расчете компенсации (включая возможное её снижение) суд обязан учитывать реальный характер ущерба, а не ограничиваться формальным применением расчетных таблиц.

Подобный подход к распределению бремени доказывания прямо противоречит фундаментальному принципу экологического права — презумпции экологической опасности. Исходя из этого

принципа, именно хозяйствующий субъект обязан обосновать отсутствие вреда или его меньший размер, если он оспаривает выводы надзорного органа.

Методика № 238[6] служит инструментом для перевода факта порчи почвенного профиля в денежный эквивалент на основе площади загрязнения и степени снижения качества земель. Следовательно, предмет доказывания по данной категории дел ограничивается фиксацией нарушения нормативов состояния самой почвы. Требование же подтвердить ущерб смежным объектам (например, водным биоресурсам) либо доказать масштабную деградацию всей экосистемы является избыточным и выходит за рамки установленной компетенции суда в данном споре.

Сложившаяся неопределенность породила два противоположных подхода в судебной практике при толковании позиции Конституционного Суда РФ.

В ряде случаев суды первой инстанции действительно возлагают на истца бремя доказывания «масштабного экологического вреда», фактически расширяя предмет спора. Однако сложился и иной подход: часть судов сохраняет прежнюю практику, считая достаточным подтверждение самого факта превышения нормативов и расчет суммы по Методике № 238. При этом во втором случае суд принимает во внимание доводы ответчика о наличии смягчающих обстоятельств (например, добровольной локализации разлива), что позволяет снизить итоговую сумму иска без расширения доказательственной базы.

Иллюстрацией данной проблемы служит дело № А47-14485/2021[4]. Управление Росприроднадзора рассчитало сумму компенсации по Методике № 238, исходя из площади разлива нефтепродуктов, и предъявило соответствующее требование. В ответ сторона защиты заявила ходатайство о проведении дополнительных экспертиз для оспаривания площади загрязнения и степени повреждения биоценоза.

Тем не менее, суды первой и апелляционной инстанций отклонили данное ходатайство. Свою позицию они мотивировали тем, что фиксация превышения нормативов в пробах грунта сама по себе является достаточным основанием для расчета ущерба без проведения дополнительных биологических исследований.

Необходимость использования утвержденных методик и такс при расчете ущерба продиктована спецификой самого вреда. Поскольку точное определение характера, степени и размера негативных последствий для объекта окружающей среды (включая загрязнение почвы отходами) зачастую технически невозможно, законодатель возложил бремя компенсации на правонарушителя по фиксированным формулам.

Сами методики носят условный характер. Это обусловлено двумя факторами: во-первых, приоритетом особой охраны природных компонентов, а во-вторых — объективной неопределенностью последствий воздействия, которая не позволяет математически точно исчислить биологические потери в моменте.

3. Проблема относимости доказательств мониторинга смежных компонентов

Типичной линией защиты становится предоставление отчетов о мониторинге смежных компонентов: качества подземных вод или состояния посевов. Однако такой подход методологически неверен. Формула Методики № 238 направлена на восстановление почвенного покрова как минерально-органического тела, поэтому показатели урожайности или чистоты воды описывают состояние иных объектов охраны и не могут подменять собой анализ грунта.

Несмотря на это, суды первой инстанции зачастую ошибочно признают такие отчеты допустимыми доказательствами. В частности, они полагают, что наличие всходов пшеницы исключает токсичное поражение гумусового горизонта. Хотя Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ ранее подчеркивала автономность природных компонентов в своих определениях, данная правовая неопределенность сохраняется именно на уровне нижестоящих судов.

Стоит отметить, что данные о сборе урожая характеризуют лишь текущую эффективность фитоценоза и качество агротехнических мероприятий ответчика. Они никак не отражают физико-химическое состояние самого грунта (содержание нефтепродуктов, тяжелых металлов или изменение кислотности).

Именно поэтому доктрина и судебная практика едины во мнении: для подтверждения факта порчи почв необходимо опираться исключительно на результаты химического анализа проб, предусмотренные Методикой № 238.

Эта правовая позиция подтверждает необходимость разграничения понятий «плодородие земель сельскохозяйственного назначения» и «состояние почвы как компонента природной среды». Наличие всходов растений может свидетельствовать об отсутствии острой фито токсичности в моменте, однако оно не отменяет факта загрязнения тяжелыми металлами или нефтепродуктами, которое влечет долгосрочную деградацию свойств почвенного горизонта и потребует затрат на восстановление согласно п. 5 или п. 10 Методики № 238.

Именно для устранения подобной неопределенности при оценке экспертных заключений целесообразно использовать следующий чек—лист вопросов целесообразно использовать следующие вопросы для оценки относимости экспертных данных:

характеризует ли показатель состояние непосредственно почвы (её химический состав, структуру, содержание гумуса, ПДК загрязняющих веществ) или иного природного компонента (воды, биоценоза, растительности)?

позволяет ли показатель напрямую подтвердить или опровергнуть факт деградации почвенного профиля?

соответствует ли методика измерения целям установления вреда именно почве, а не смежным объектам?

Такой подход позволит судам более системно оценивать доказательства и избегать подмены предмета доказывания. Для отраслевой практики это особенно важно: автономность компонентов природной среды — не просто теоретический тезис, а рабочий критерий, который должен определять и предмет доказывания, и относимость экспертных заключений, и пределы применения расчётных методик.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы относительно распределения бремени доказывания. Предметом иска о вреде почвам является нарушение нормативов состояния конкретного компонента – почвенного профиля, в связи с чем вопрос о влиянии данного загрязнения на ландшафтные характеристики или биоту сопредельных территорий представляется выходящим за пределы заявленного требования, и доказывание «деградации экосистемы» не может быть обязательным элементом состава экологического деликта в отношении почвы. Постановление КС РФ № 27-П не отменяет действие расчётных методик, а лишь требует от ответчика обоснования необходимости снижения суммы: с учётом объективного характера Методики № 238 бремя доказывания обстоятельств, исключающих вредоносность нарушения либо свидетельствующих о меньшем размере реального вреда, должно быть возложено на причинителя вреда, тогда как истец ограничивается фиксацией состава правонарушения и расчётом по утверждённой методике, что согласуется с презумпцией экологической опасности и компенсационным характером возмещения, поскольку методика фиксирует вред компоненту, а ответчик вправе доказывать смягчающие обстоятельства.

Для согласования подходов к учету затрат необходимо разграничивать оперативные расходы на ликвидацию последствий аварии и суммы возмещения накопленного вреда. Автоматический зачет первых в счет второго нарушает логику экологического деликта, поскольку прекращение нарушения не тождественно восстановлению нарушенного состояния. Разделение этих категорий важно, как для правоприменения, так и для доктрины: ликвидация предотвращает дальнейший вред, а возмещение компенсирует уже наступившие потери

Таким образом, ссылки ответчиков на необходимость подтверждения «деградации экосистемы» эксплуатируют сохраняющуюся в отдельных судах неопределённость, и закрепление критериев автономности объекта охраны наряду с внедрением стандартизированного подхода к оценке относимости доказательств позволит обеспечить единообразие практики и защитить эффективность применения Методики № 238.

Литература

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7—ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.05.2023 № 27-П // http://publication.pravo.gov.ru.

3. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.07.2025 № Ф03-2070/2025 по делу № А73-8310/2024 // СПС КонсультантПлюс.

4. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 10 октября 2022 года по делу № А47-14485/2021 // https://kad.arbitr.ru.

5. Приказ Минприроды России от 08.07.2010 № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» (ред. от 18.11.2021) // Российская газета. – № 211. – 21.09.2010.

6. Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г. Источник: Правовое обеспечение экологической безопасности населения и территорий: учебное пособие / отв. ред. Ю. Г. Шпаковский, Н. О. Ведышева, О. А. Зиновьева. — Москва : Проспект, 2022. — 168 с.

7. Игнатьева И.А. Экологическое право России: Учебник для вузов. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2024.

8. Петров В. В. Экологическое право России: Учебник. – М.: БЕК, 1955.

To the question of criteria for the relevance of evidence in determining damage to soils

Patiev Il.M.

LLC “Russpravo”, O.E. Kutafin Moscow State University (MSAL)

The article examines the distribution of the burden of proof in soil damage compensation. The limitation of the subject of evidence by violation of the state of the soil profile, and not by "ecosystem degradation," is justified.

The duality of judicial practice after the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 27-P is analyzed: while maintaining the traditional approach (the fact of pollution is enough), a number of courts begin to require the plaintiff to prove the mass death of biocenosis.

The authors insist on shifting the burden of proof to the defendant: the very fact of contamination of the soil profile is a sufficient basis for the conclusion about the harm, and the refutation of this (the absence of harm or its neutralization by natural processes) must be proved by the causer of harm.

Keywords: soil; environmental tort; the burden of proof; standard of proof; the relevance of evidence; presumption of environmental hazard; compensation for harm.

References

1. Federal Law No. 7-FZ dated January 10, 2002, “On Environmental Protection” // SZ RF. – 2002. – No. 2. – Art. 133.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 27-P dated May 30, 2023 // http://publication.pravo.gov.ru.
3. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated July 18, 2025, No. F03-2070/2025, in case No. A73-8310/2024 // SPS Konsultant.
4. Decision of the Arbitration Court of the Orenburg Region dated October 10, 2022, in case No. A47-14485/2021 // https://kad.arbitr.ru.
5. Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated July 8, 2010, No. 238 “On Approval of the Methodology for Calculating the Amount of Harm Caused to Soils as an Object of Environmental Protection” (as amended on November 18, 2021) // Rossiyskaya Gazeta. – No. 211. – September 21, 2010.
6. Vykhvanova G. V., Zhavoronkova N. G. Source: Legal Support for Environmental Safety of the Population and Territories: a textbook / ed. by Yu. G. Shpakovsky, N. O. Vedysheva, O. A. Zinovieva. — Moscow: Prospekt, 2022. — 168 p.
7. Ignatieva I.A. Environmental Law of Russia: A Textbook for Universities. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2024.
8. Petrov V.V. Environmental Law of Russia: A Textbook. — Moscow: BEK, 1955.